

16+

Дмитрий Астахов
Таблетка для Нобеля

Дмитрий Николаевич Астахов

Таблетка для Нобеля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42652314

SelfPub; 2023

Аннотация

Бессмертие достигнуто, но это удел единиц. Деньги и власть не в счёт, лишь то, что ты принес для этой жизни. Однако, как долго удержит зависть и желание жить «сильнейших мира», случайно созданная одним человеком клетка? И сможет ли этот человек пережить собственное бессмертие?

Дмитрий Астахов

Таблетка для Нобеля

– «Хорош, мерзавец... И что так долго ждал? Эх, одеть бы его лет десять назад. А лучше двадцать. Хотя... хотя, конечно, грех жаловаться, грех.» – отражение в зеркале тронуло и без того идеальный узел галстука-бабочки, пальцы прошлись по волосам оправляя непривычно покладистые пряди, – «Первый раз во фраке. Сейчас его денем с огнем не сыщешь. Или на заказ шить, но откуда такие деньжища, или вот так – на прокат, из хранилища комитета. Да и черт с ним. Кто знает, может этот самый одевал Ричард Гиз, на свое обретение бессмертия. Тот самый, славный парень Гиз, что...».

– Тук... тук... – деликатно окликнула дверь.

– ...подарил его миру. – упрямо доживал мысль вслух. – Войдите! – обратился через отражение к двери.

Полированный прямоугольник открылся медленно и нерешительно. С порога заглянул маленький лысеющий человечек, пожилой, с круглым грустным лицом. Мягкая ладонь вошедшего осталась лежать на бронзовой ручке, взгляд увлажненных возрастом глаза скользнул задумчивым лучом по комнате, отыскиали меня рядом с большим, в полтора роста, зеркалом.

– Вы позволите... – он не просил и не настаивал, а словно

бы предложил один из вариантов. Ничего кроме саднящих чувств жалости и симпатии человек такой наружности вызвать не мог: хотя бы потому, что взгляд его, от окружающего мира, не просил большего, чем тот в свою очередь желал от него самого. Однако, еще в прошлую нашу встречу, я уловил за его теплым равнодушием манер, что то твердое и основательное... нет, не стержень – скорее его часть, очень низко сломанная, но она определенно в вошедшем присутствовала, у меня и самого был такой, только мой сточило время и алкоголь, а его, будто согнуло в один миг.

– Да, конечно Сэм. Прошу. Но, вы рано. – я обернулся, за длинной лентой иллюминатора все еще висела дугой полоска земли с выплывающим из-за горизонта итальянским сапожком, – Мне говорили я успею увидеть Пиренеи.

– Они покажутся через четверть часа. – дверь за спиной маленького человечка мягко щелкнула, – Отлично выглядите Сергей. Вам идет фрак. Знаете, что именно этот одевал Ричард Гиз?

– Были сомнения. – ответил я невнятно, ощутил, как краешек губ, зарытых в жесткую щетину кисло натянулся, – Я и сам не прочь подобный кафтан оставить для потомков. Или... – ухмыльнулся, – Или кто знает, одеть его еще раз... лет, эдак, через пятьдесят. А? Как считаешь Сэм? – мое отражение ободряюще ему подмигнуло, вновь тронуло галстук-бабочку, манжет сорочки, поправило цепочку часов, свисающую из кармашка жилета, – Но признаться, ручной

труд в наше время поистине бесценен.

– А как же ваша книга? – спросило из глубины зеркала грустное лицо, – Подобная работа обязана приносить доход.

– Так и есть Сэм, так и есть. – в глотке сухо клацнуло, и я отвернулся от влажных бусин глаз, и от того другого – привычно смотревшего на меня черной слепотой безразличия, но с непривычно ровной, как отвес спиной, щетиной ухоженной, так будто скульптор высек скулы, похожего на меня словно брат близнец – определенно лучший из братьев.

Взгляд отыскал у иллюминатора на письменном столе стакан. Толстое дно красили остатки медовой влаги. Я неуверенно шагнул к нему.

– Только истина в том, что все права продал. Еще задолго до того, как тот, чей фрак теперь примеряю... – голос мой отяжелел, я смолк, позволяя досадной пене в груди осесть, порыхлевший взгляд спрятался в иллюминаторе, точно пытался отыскать за толщей стекла извечный город, – Это мое главное фиаско, Сэм... Ах, да и черт с ним! – махнул рукой. Я сгреб стакан, решительно направился к стеллажам, где среди книг скромно затесалась пара барных полок, – Хватило оплатить месячную мзду за съемную квартиру, и ладно. – ладонь прошла по частоколу прохладного стекла, выбрала на треть пустой Jameson, – Не люблю слишком дорогой. – услышал свой смущенный голос, – К хорошему быстро привыкаешь. Хотя и этот мне не по карману. – бутылка невесело подпрыгнула в руке, – Ну и отпраздновать, конечно, кое-

что осталось! – вновь вспомнил я о книге, постарался улыбнуться как можно беззаботней, приветливо махнул стаканом Сэму.

– А премия?

– Ну... ее еще получить нужно. – виски булькнул, и я обернулся к гостю, – Я столько должен, что до меня дойдет не слишком много.

– И все же, вы обрели нечто большее.

– Возможно. – качнув плечами я удивился той прохладе и безразличию, с какой на этот раз отнесся к великой награде – до этого, при всякой мысли о ней, какой-то нехороший трепет точил меня паразитом. Взглядом смерив гостя, я вдруг вспомнил, что вряд ли тот явился узнать хорошо ли сидит на мне фрак, – Так что хотели, Сэм?

Рука маленького человечка быстро нырнула за лацкан наглухо застегнутого пиджака. Он прошагал через всю комнату по-хозяйски твердой не внятной его внешности чеканкой, остановился в полшаге от меня, в плюшевых пальчиках, высвобожденных из-за пазухи увязла книжица: размером с небольшой блокнот в дешевом переплете.

– Могли бы подписать?

Стакан в руке бодро продолжил прерванный путь, напиток обжег горло, и я отставил его на полку, небрежно приняв тощий фолиант, направился к столу.

Большой палец попробовал тиснение букв: ««Философия бессмертия. Сергей Выборнов.» – прочитал глазами. Да, та

самая некогда в безделии выстроганная вещь, что сегодня купила мне отсрочку смерти.

На миг сознание затянула мысль: «Как повернулась б жизнь, будь на тридцать грамм скупее? Или на ту же унцию умнее?»

Я подошел к столу.

– Знаешь, ведь ее писал, когда еще и жизни то не знал. Считал, самым правильным, плыть по течению, не слишком обременённым корыстным трудом, в неизменном веселье и творческих муках. Даже с кафедры едва не вылетел за излишнее усердие в своих убеждениях. Хотя, в итоге...

Мой гость подошел ближе, короткий пальчик наставительно постучал в книгу.

– А теперь это Библия. И Коран если угодно. Канон вратания бессмертия в реалии нашей жизни. – благодушно вверил его голос

Я улыбнулся ему бородатой своей улыбкой.

– Кто б знал, что придется жить за кончиком собственного пера. – страницы прошелестели, – А вдруг и те великие книги слагались так же. – насмешливо заметил, кланяясь форзацу, – Так что писать?!

– Напишите, пожалуйста: «От мистера Сергей Выборнова – Алисе Харрис». С двумя «р» пожалуйста.

– Ваша дочь? – ручка замерла, едва коснувшись бумаги.

Сэм медлил с ответом, и мне почудилась в этой заминке растерянность. Хотя откуда ей взяться в столь простом во-

просе – ведь не любовнице берет автограф.

Нависая над побежденной книгой, я присмотрелся иско-са к нему. Явно меня старше, притом, что мне за пятьдесят, взгляд пустой, сосредоточенный на чем-то видимым лишь ему, плюшевые пальчики нервно теребят манжет пытаюсь унять откуда-то просочившуюся дрожь, на одном вросло се-ребряное колечко вдовца: простая вещь, хотя наверняка мо-жет позволить символ прожитого счастья за более внуши-тельные деньги.

– С вами все в порядке Сэм?

– Все хорошо. – не сразу отозвался он, ресницы пробудили взгляд, камешки глаза вновь покорила грусть, – Да, дочь. – наконец согласился Сэм, голос его будто простыл, он дели-катно прочистил горло, а пальчики собрал в кулачок унимая предательский озноб, – Она неплохой физик. – произнес с вернувшимся унынием, – Сейчас состоит в лаборатории, на орбите меркурия. Изучает влияние массивных тел на время. У нее есть молодой человек. Они вместе работают. Непло-хой парень, но мне кажется, в нем много утопичного. Наш мир мечтателей не любит. Это конечно пройдет, сам таким был. Ну а через три месяца они возвращаются на землю, к свадьбе готовятся. А там, хочешь, не хочешь, придется за ум браться. Характером расти.

Ручка закричала по бумаге, рождая завитушки букв, под мягкий шелест слов гостя я старательно вывел: «Алисе Хар-рис от Сергея Выборнова.» – от себя добавил, – «Не стоит

останавливаться, если не знаешь куда идти. Следуй за знаниями». – банально конечно, но мне отчего-то захотелось сделать для этого грустного человечка чуть больше чем тот просил.

Мягкие, точно у кондитера с рекламы, ладошки Сэма приняли книгу обратно, влажные глаза быстро скользнули по оставленным мной следам.

– Даа... – выдохнул маленький человечек, наградил меня вежливой улыбкой, – С некоторых пор наука молодеет. Спасибо господин Сергей за книгу. Мне пора. – гость неожиданно легко развернулся, в своей хозяйской манере зашагал к выходу.

– Как же иначе? – проводил я взглядом овальную спину уже глядящего на дверь человечка, – Ведь куда приятней обрести бессмертие молодым, красивым и полным сил. Человечеству не нужны толпы стариков вроде нас.

Начальственный шаг Сэма сбил, точно увяз в быстротвердеющем бетоне, обвисший на плечах пиджак призраком застыл перед гляncем двери.

– Сдается мне, господин Сергей... – неживое тельце повернулось ржавым гвоздем, на меня вновь уставилось безрадостное лицо, – ...молодые меньше нас с вами задумываются о конце пути. Вы, а не они решили, что бессмертие чертовски ценный ресурс.

– Не совсем так, Сэм. – ответил я бросая недовольный взгляд на полюбившуюся полку, тоска от вида пустого стака-

на заворочались в мыслях требовательным червяком, – Признаться, сам никогда к тому не стремился. Даже сейчас сомневаюсь – нужно ли мне оно. Если б не деньги – скорее всего мы с вами никогда не встретились. Но, по регламенту, нельзя принять одно и отказаться от другого.

Я повернулся к моему гостю, маленький человечек следил за мной неотрывно, и будто бы не дышал.

– Но ваша книга?! – наконец жарко выдохнул он, мне показалось, его округлое лицо заколебалось какой-то угрюмой дымкой: черные глаза раскрылись шире – не отличить от пуговиц пиджака, а напитавшее их уныние растворила морозная твердость. Пухлые пальчики вновь затеребили манжет пытаюсь унять вернувшуюся дрожь, – Зачем же тогда... – озяб его голос, он торопливо достал из-под полы книгу, схватил обеими руками, уставился в нее словно в зеркало, – Здесь сказано совсем другое. – проговорил, терзая пальцами обложку, – Здесь вы награждаете им лучших, для прочих оставляете мотив. Будущее, судьба, существование цивилизации во власти нашего желанья жить.

– Сэм... – вздохнул я, вновь вернул внимание загрустившему на полке между книг стеклу, – Трагедия или насмешка... Мир неправильно осознал написанное мной. Возможно, бессмертие – худшее из зол. – я потянулся за стаканом, чуть подумав подобрал еще и соседний с ним, – Выпьете со мной? Не откажусь от компании.

– Вам через два часа принимать таблетку. – все так же в

пустоту проговорил он.

– Таблетка... таблетка... – бутылка вновь сочно булькнула, я протянул стакан моему гостю, – Без доброй порции виски участвовать в том фарсе не могу. – пухлая ручонка приняла напиток, – За этим событием не следят лишь те, кто в коме. Более чем уверен, сам папа, у себя в апостольском, смотрит втихаря обретение, кусает за угол тиару. И ведь не один католик до сих пор не отказался от таблетки: ни до ни после того как наместник осудил бессмертие, дарованное человеку человеком. Алчность и зависть – вот что там будут прославлять. Зал полон тех, кто может позволить себе все. Все! Кроме права жить. Представьте какво – иметь положение, власть с очень смутными границами, все деньги мира, и видеть, как какой-то пьянчуга с трибуны ссыт на твой затылок обретая то, к чему им – обремененным, не дотянуться в жизни. Да, подобный концентрат завести можно увидеть лишь раз в четыре года. – хмыкнул я, – Наверняка в аду по случаю проводят карнавал. – коричневая жидкость прямо окропила горло, – Так что... – скрипнул мой приталенный алкоголем голос, – ...по-другому мне, это событие не пережить. – под неодобрительный взгляд я подлил себе еще, мой же гость грел стакан в ладошках, казалось, забыл о нем напрочь, – Остается выслушать слащавую болтовню этих пижонов, что-то сказать самому и демонстративно проглотить оставленный ими аспирин, запив водой. Не сомневаюсь, на стакане окажется реклама какой-нибудь «Ко-

ка-Колы», или «Аидас», или «Амазон-Галактик». Кто из них сегодня платит больше? А бессмертие... бессмертие... – фыркнул я, ощущая, как закрадывается в виски пьяная тяжесть, – ...это долгий и малоприятный процесс. Молекулярный ремонт, который у меня, кстати, начался пару месяцев назад и закончится через пятьдесят лет. Тебе лишь дарят добавочных полвека жизни. Конечно, останавливают при этом биологические часы. Приятный бонус. В общем я отношусь к этому именно так. – стакан в моей руке качнулся точно последнее был тост, – Промежуток, за который ты либо докажешь свою дальнейшую полезность и тебе отслюнявят еще столько же дней и ночей, либо... либо, что видится вероятней, продолжишь свой естественный процесс. – я расстегнул пуговицы ставшего тесным жилета, заглянул в рубленые грани стекла точно в цыганский шар, – Вот тебе и бессмертие.

– Завтра у вас еще ужин. – задумчиво напомнил маленький человечек, размышляя о чем-то ином, отсутствующий взгляд, казалось, уставился в себя.

– Где каждый из этих же будет жаждать задушить меня, или разбив о стену бокал чиркнуть по яремной вене. – согласился я, залпом осушив стакан, отправил его на полку к бутылкам, – Помнишь случай, лет десять назад, когда группа молодых ученых со станции у солнца... как ее?.. Впрочем, не важно...

– «Кадуцей». – пробормотал Сэм, помрачневший взгляд

спустился к небрежно расстёгнутым пуговицам моего одетого под фрак жилета.

– Ну да. – поморщив носом согласился я, – Сумели втихую собрать установку. Их было то, семеро... или вовсе шесть. Невозможно! Такие таланты! И как потом выяснили – никакой утечки технологии не было. По сути, на бис открыли бессмертие. Однако. – ладони мои встретились хлопком точно между ними взорвалась петарда, – Гильотина!

Сэм вздрогнул, лицо побледнело, пухлые короткие губы слились в одну толстую черточку. Взгляд маленького человека стеклянно устремился в темноту иллюминатора, словно отмеряя там сантиметры сходящего со ступеней тяжелого листа металла, мне вдруг почудилось вот-вот и заточенное наискось острие сверкнет во влажном блеске его глаз.

Обмякший за прожитые годы подбородок дрогнул, черточка губ на онемевшем лице зашевелилась, рождая сильно просевший, и все же узнаваемый голос.

– Насколько знаю, их главной целью все же было, не обретение бессмертия. – маленький человечек сделал шаг, его так и не тронутый ремер робко пристроился рядом с моим.

– Нет конечно. – согласился я, – Как вы уже сказали: «молодые меньше нас с вами задумываются о конце пути». В их возрасте мечтают о другом: они задумали злодейство хуже, сделать его доступным всем. – видя, как понемногу лицо Сэма оживает прежней унылостью, сам начал возвращаться к учительскому тону, – Наивно конечно. Но покушение на

доктрины состоялось.

– Почему костлявая должна гнуть человека к земле? Делать из молодых старых, из сильных – немощных? – тихо проговорил Сэм, камешки глаз впились в меня слабой занозой, – Ведь это равносильно бездействию – равнодушно смотреть, как умирает человек. Пройти мимо – вот где преступление. Те дети не были такими. Они хотели спасти всех.

– Сээм... – досада в голосе и самому показалась фальшивой, я ощутил острое желание помирить неловкость еще одним стаканчиком, рука сама потянулась к полке, – Вы так говорите потому что по-настоящему человек ценит жизнь лишь во старости. И чем гуще он порастает мхом, тем ему слаще кажутся еще не отжитые дни. – мягкий лязг стекла на секунду украл внимание, – Сам не исключение. – понизил я голос, аккуратно подлил в стакан оптимизма, – Но я, вроде как, это осознаю. Полагаете, отчего мальчишки забыв о страхе, прыгают по крышам гаражей, а деревья для них удобней всего у верхушек? Теперь уже, наверное, и не вспомните? – мой мрачно притихший гость молчал, ненавязчиво дырявил взглядом из-под коротких черточек бровей. Крышка с оловянным скрипом провернулась на стекле, и я отвернулся от точивших меня глаз. Апеннинский сапожок в иллюминаторе уже сполз каблуком ниже видимости, – Именно они, с соломёнными волосами и свежим ветром на лице совершают самые безрассудные в своей наивности поступки. А все от того, что еще пленочка перед глазами родильная не сошла.

Не видят, не знают цену жизни, не вспоминают, что она одна. И этой ихней врожденной слепотой с большим аппетитом пользуются стариканы вроде нас: ставя сопливых под ружье, или уже вместо гаражных крыш предлагая поиграть на таких вот станциях как эта... – мой стакан начал выписывать овалы, а я в его движениях ловить размытую алкоголям память.

– «Кадуцей». – пробормотал Сэм.

– Она. – поставил глотком гречишной точку, – Как уже сказал в книге – все человечество не может быть вечно молодым и умным, даже его хоть сколько-то осязаемая часть. – стакан глухо ударил в стол, – Кожа должна обновляться, иначе на этом месте образуется мозоль. Чем больше новых глаз увидит мир, тем больше тот обретет возможностей, ведь пока ты молод – жить интересней. И именно поэтому, я уверен, никто и никогда не получит бессмертия более одного раза: азарт не тот. А кончина наша с вами будет во благо: мы освободим место другим, еще не столь жирно перечеркнутым мудростью лени и лжи.

– Тогда, в чем смысл? Проще запретить его совсем.

– А я и говорю – смысла нет, но по-другому боязнь людей к смерти не победить.

Мой гость заговорил не сразу.

– Возможно... – спокойно, точно размалывая слова на жерновах пробудился голос маленького человечка, слезящийся взгляд жег между лацканами моего фрака дыру, скользил куда-то дальше, сквозь белоснежный жакет, за тон-

кую переборку, отделившую нас от холода пустоты, туда где она становилась пугающе черной, – Но те дети, на станции, не заслужили смерти. А пленочка, о которой говорите, делала их бесконечно благородней всех тех, кто вскоре будут вам рукоплескать, не нужно их за это на угли. – его невидящий взгляд поднялся к моему лицу, – Причины, по которой насильникам и убийцам оставляют жизнь, а тех, чьи желания другим жизнь сохранить, ее же и лишают – вот, что тревожит меня господин Сергей. Доктрины меняются. И то, что зовем правдой сегодня – завтра, объявят заблуждением. Так уже было.

Я с любопытством разглядывал маленького человечка: грустный и робкий как школьник у доски. Ни одобрения, ни неприятия, ни злости или радости в словах – только пустота и безразличие, на дне которых скала давно сложившегося мнения, о которую разобьется любой из доводов. Странно, даже ненормально: «К чему весь этот разговор, вопросы, измышления – если за унылым блеском этих глаз давно все решено, иных суждений нет, и быть не может».

– Ну да – здесь, может, перегнул... Была б воля – оторвал руку тому, кто бессмертие открыл, еще до сотворенного им.

– И все же, одели этот фрак. – едва слышно проговорил гость.

Меня будто облили кипятком.

– Не от хорошей жизни Сэм. – сглотнул я тяжелый воздух, – Нобелевская премия нужна что б расплатиться по дол-

гам. Бессмертие – придаток.

– Да, вы говорили. Но теперь, любой из тех, кто будет вам рукоплескать, скажем так, в силах написать что-то стоящее, как вы, например, и получить за это «таблетку», возможно даже не одну, писатели, в массе своей, народ не богатый.

Под ребра пробралась морозная паутина. Я ошарашено разглядывал маленького человечка: «Как странно, что еще никто о том не догадался».

– Думаю, после вашего обретения, следующему кто придет за таблеткой хватит денег на приличный фрак. – голос Сэма сильно поскущнел, округлая лысеющая голова по воровьиному вывернулась к широченной ленте иллюминатора, – Семь часов господин Сергей. Пиренеи уже здесь. Нам пора.

За дверью ожидала тишина. Длинный чопорный коридор – казалось, бесконечность растянулась в два конца. Сэм повел к одному из них. Под ногами поползла угольно-синяя ковровая дорожка, навстречу, по бежевым с изящным золотым тиснением обоям, череда канделябров. Спустя сотню шагов течение богато одетых стен прекратил массив здоровенной двери. Тяжелые в резьбе полотна заняли собой весь проход. Маленький человечек ускорил шаг, обогнал меня, бочком остановился перед суровым препятствием, пухлая ручонка осела на бронзовом набалдашнике ручки. Черные бусины газ строго оглядели меня с ног до головы, недовольно сверкнули на галстук-бабочке, и только после того как я оправил узел, лицо Сэма вновь разгладила унылая маска.

Он толкнул обе створки, поспешил отступить в сторону. Свет залил мне лицо, утопил в седом сиянии. Я зажмурился. Слепая белизна медленно отползала, наполняясь контурами предметов. Молочный свод потолка расчертили завитки лепнины, на белых стенах проступили пятнами картины, колонны, словно змеи оплела позолота.

В центре зала, рядами, столпились около двух десятков обитых бархатом стульев, расставленных так, будто минуту назад здесь красиво стонала скрипка, а теперь ее мольбы спрятали в футляр, и помещение, утратив душу, опустело... за исключением четырех, парадного вида мужчин. Престарелые франты осыпали ближайшую ко мне мебель, о чем-то негромко переговаривались. Кивки и улыбки, вздернутые брови – не дать ни взять кружок по интересам. Один из них, меня завидев, вскинулся: пожилой, долговязый, темная блестящая как мазут кожа, и, как ни странно, по-английски аристократичные черты. Его породистое лицо озарила сдержанная, превосходно отрепетированная улыбка.

– Мистер Выборнов! Рад видеть. – он ринулся навстречу, широкие сухие ладони крепко обняли мою, горячо тряхнули, – Мы вас заждались. Пора, пора следовать в ложу. – черная рука джентльмена приглашающе растянулась, указывая на дверь в другом конце зала, столь же основательную как та через которую вошли. – Прошу, номинантам нужно прямо к началу, прямо к началу. И опаздывать... – темнокожий сквайр заучено рассмеялся, – ...на собственное бессмертие

не следует. – видимо эта шутка дежурила у него в кармане так же рутинно, как и набор улыбок, раздаваемых при любом удобном случае, – Помните последовательность церемонии? Повторим? – спросил он, уже увлекая меня к выходу.

– Спасибо Льюис, все помню. – ответил я едва поспевая за ним, своим, по-капитански стриженным подбородком, отвесил остальной троице кивок.

Завидев мою расположенность, их и без того радостные рты натянулись пуще, а когда мы с Льюисом торопливо прошли мимо, престарелые франты счастливо засемили следом.

– Не забудьте сказать в конце: «Принимаю этот дар. Пусть он послужит миру.»

– Я смотрю телевизор, Льюис, эта фраза, последние дни, мелькает чаще рекламы на потребительские кредиты. Как бы с нее не начать.

– И в зал делаем шаг ровно по моему знаку.

– А здесь к чему такая точность? – обратился уже к спине Льюиса.

– Довертись. – сделал тот попытку оглянулся, черная скула едва мелькнула из-за острого плеча, тут же исчезла, – Я не первую церемонию в свите. Впечатления глубже... глубже если осознаете сами. – закончил как то уклончиво.

Дернув уголком рта, я уставился в пол: «да и ладно... не столь уж и жжет любопытство».

Паркет быстро надоел. Широкие шаги Льюиса заставили

изящный рисунок под ногами бессмысленно рвать. Устав от его пестроты я вновь обратился к долговязой фигуре впереди.

– Странный у вас, Сэм.

– Да... – неохотно согласился мой провожатый, – Что есть, то есть. – он явно не собирался поддерживать тронутую мной тему.

– У него есть дочь. – не оставлял попыток я.

Льюис не ответил, глянул на наручные часы, на уже близкую, но отчего-то, будто неподвижную дверь, ускорил шаг. Я видел лишь черный обод его скулы, но и того хватило дорисовать неприязнь каким поплыло лицо темнокожего сквайра.

Никогда не был падок на самолюбие, алкоголь и гордость, вообще, вещи трудносовместимые, но почему-то, в этот раз задело. Задело сильно, точно хлыстом обожгло.

Я остановился. Спешащие за мной джентльмены не ожидали столь скорого завершения пути, едва не сделали меня частью украшения полов. Престарелые франты рассыпались неровным полукругом, растерянные взгляды запрыгали то на меня, то на быстро удаляющегося Льюиса.

Пожилой негр сильно оторвался от нас, и видимо ощутив за собой пустоту, не только зала, но и взглядов, остановился тоже. Он встал бочком на полпути между мной и дверью, слепо глядя, на что-то перед собой.

– Не повезло человеку. – произнес без особых эмоций.

Я тронулся с места, вновь увлекая за собой почтенную тройцу.

– Сэм до меня устроителем в свите был... – продолжил Льюис, когда я поравнялся с ним, – ...пока дочь не казнили.

Точно сквозняк я ощутил на виске его слова, вздрогнул. Вдыхаемый воздух показался ледяным, настолько, что вскружил голову. Захотелось оглянуться на оставшегося позади Сэма, но испугался встретиться с ним взглядом.

– Как это случилось? – спросил, уже предвидя ответ, громады дверных створок приблизились вплотную, и мы остановились.

– Помните тот случай на околосолнечной станции? – худому черному лицу вновь вернулась церемонность, Льюис придиричиво оглядел меня, как это недавно делал Сэм, его долговязая фигура, точно тень, обошла кругом, остановилась с боку, длинные черные пальцы чуть оправили мне галстук-бабочку.

– «Кадуцей». – выдохнул я.

– Там то его дочь и потеряла голову. – шепнул в ухо голос устроителя.

Массивные створки поползли в стороны. Словно во сне я усталился в огромный, много больше прежнего зал. Округлый свод, приглушенных гомон голосов, тяжелые люстры будто парят в воздухе, заливают хрусталем приглушенного света. Напротив, по другую сторону зала точно такая же настезь распахнутая дверь. Пятеро человек, среди которых

узнаю своего соискателя, замерли в прямоугольнике яркого света. Словно отражение в зеркале отделенное рядами шумных кресел, они в точности повторяют нашу компанию.

– Идемте. – голос Льюиса одел прежнюю обходительность, угольная пятерня приглашающе мелькнула у края зрения,

Вспомнив, что нужно точно по сигналу, усмиряя дрожь шагнул. Тут же, где-то наверху, громынула музыка. Торжественная медь заглушила все, пронзила молнией, лишь ощутил опору под ногами, в тело словно ткнули тысячей незримых игл бесконечно долго покоя.

Люди в двери, по ту сторону зала, ожили тоже, двумя ровными ручейками мы потянулись к сцене. Сотни взглядов, казалось, тело разболелось под их завистливыми ударами, обещая развалиться на куски в угоду жадных глаз. Мы спустилась к своим местам. Музыка над головами стихла, и лица растворились в ослабевшем свете. Спустившаяся темнота освободила от душившего внимания.

За кафедру в центре сцены вышел почтенного вида старик, с пышными седыми бакенбардами и столь же белоснежной шевелюрой, на которую дунь – осыплется как переспелый одуван. Он долго и муторно говорил о ценности жизни; о вере, что придет день, когда сей дар, будет всецело надлежать человечеству; и едва уловимая неровность в голосе выдавала понимание, что то время для него не наступит точно, для мира же, если наступит, то не очень скоро. В конце, старик подвел итог: что двое, из ранее награжденных но-

белевской премией, признаны достойными обрести бессмертие уже сегодня.

– Сергей Выборнов! – торжественно (а мне показалось зло) скрипнул голос одувана, с той помпой, которой старая шляпа определила мальчика в очках в непонятный мне «Гриффендор», – Тринадцатый бессмертный за историю человечества. – столб света обнажил меня перед призраками зала, я вновь ощутил дробь липких взглядов.

Черная ладонь выползла из темноты, учтиво легла на манжету моего рукава, а следом, словно из бездны, проступило лицо Льюиса.

– Идите мистер Выборнов. – услышал его ободряющий голос.

Под оголтелое трепыхание ладоней я преодолел резиновый воздух, не различая границ между реальностью и собственными мыслями, наугад сжал старикану слабою ладонь. Седой одуван чему-то хищно оскалился, отплыл в сторону. Я занял его место.

Передо мной исписанный листок бумаги, узнаю в размашистом почерке собственную руку. Таблетка – белый кружок аспирина в прозрачном футляре, лежит у края в особом углублении кафедры. Тут же стакан воды. На нем и впрямь чья-то реклама, но этикетка повернута в зал, и я не могу разобрать надписи.

Стараясь не глядеть на живую беспокойную тень, откуда богатейшие и знаменитейшие рвут меня глазами, начинаю

читать.

– Дамы и господа! – мой голос неожиданно тверд, и это сбивает с толку. Я замолкаю. Взгляд поднимается в зал. Отсюда полумрак страшнее, смотрит дымом одинаковых лиц. Глаза... глаза. Фальшь улыбок. За масками наружу рвется ревность, даже ненависть. Я чувствую ее. Я отвечаю ей.

Каждый из них считает себя достойней прочих; тем более меня. Кто-то полагает, его обязывает к этому высокая строка в десятке богачей мира. Другой ведет родословную от Робертинов, и плевать, что его царственная прабабка, из распутной скуки, трахалась со всяким у кого член больше самоката: теперь пойдешь, разберись чьего он семени. Третий, вовсе отпетый «трудоголик», хотя на самом деле – скорее циник: протасил карьеру наверх политического эшафота по костям и дерьму менее удачливых «трудоголиков»; отчаянно считает – мир ему обязан за столь немалый труд. И таких первых, вторых, третьих – полный зал, сверкают белоснежными зубами. Даже тот, другой, что сегодня делит со мной торжественные муки, спрятался за щелками глаз, вынужденно корчит радостную мину.

– Дамы и господа. – нащупываю в себе силы, в ум лезет оставленный на полке недопитый виски, – Наверняка... я не самый достойный кандидат для столь великой чести. Во всяком случае и в мыслях не мерил на себя рубашку столь дорогую каждому служителю науки, или... или таким горемыкам как я, хворающим замыслами жизни. Никогда не считал

себя таковым. Потому втройне благодарен распорядителям дара за веру в меня. В мою работу.

Философия, чьим адептом себя считаю, близка профессии властителей пера. Каждый взявшийся за созидание грез – непременно прежде окунется в религию мысли. И те, и другие пытаются постичь окружающую нас вселенную... бога внутри себя... в других... значение истины. И тех, и других тревожат нравственные пиксели названных мной высоких целей.

Песок тех духовных качеств, а кто-то скажет знаний, я попытался излить на бумагу. Без корысти, и всякого намерения делить их с кем-то; как мог, отгородившись от тщедушия своей человеческой натуры. Наверное, лишь так, забыв о меркантильности, бренности жизни, возможно разглядеть ее бесконечность. И я благодарю судьбу, что она предоставила мне такой шанс. Благодарен, что наградила недостойного сына стоять теперь, здесь, перед вами.

Украдкой зрения смотрю на свиту. В чередe горящих глаз натываюсь на округлое лицо Сэма. Он сидит на ряд выше, за Льюисом, даже не заметил когда туда прошел.

Маленький человек спокоен и будто равнодушен: взгляд мозолит пол передо мной, рука сжимает книгу. Он будто стал сильнее, освободился от всех жизненных камней разом, будто тот огрызок стержня в нем расправился опять.

Я вспоминаю его слова: «Конечно же он прав, теперь все будет по-другому. Теперь бессмертие окажется в горсти че-

стололюбивых и богатых. Куда упадет этот мир с их чутким стремлением жить, когда начнут осознавать, что... скучно?»

По спине сбегает мурашки. Глаза больше не видят текста, а память не желает извлекать его из сундуков:

– Не думаю, что увижу день, когда нравственность возобладает, когда ее будут ценить выше денег, положения... коих, в отличие от первого, у большинства из вас в излишке.

Зал шелестит: едва уловимо, угрожающе, точно трещотка на хвосте змеи, точно постучал костяшками в осиное гнездо. Как не странно, теперь дух зависти, летающий над рядами кресел, начинает мое сердце греть. Фаланги лиц в темноте больше не причиняют столько неудобств, вежливый оскал улыбок кажется смешным. Я улыбаюсь им в ответ. Я понимаю, что немногим лучше их, но такова природа человека, и даже в лучшем из людей, говна, быть может, больше чем в самом худшем, зависти лишь от личных свойств пищеварения.

Мои ладони по-хозяйски сжимают углы тумбы.

– Возможно... хотя, глядя на вас тяжело о том думать... человек все же дорастёт до времени, когда найдет в себе силы, отыщет что-то еще, более драгоценное, стоящее более, чем алчная вам жажда жизни. Когда сумеете, не подавитесь вишневым косточкой вечной жизни, а обретет понимание, что смерть делает человека человеком. Она – часть его жизни.

Подбираю стеклянный футлярчик с кафедры. Таблетка

аспирина ложится на язык. Зал затихает, словно рядом кто-то взвел курок, а червоточина ствола уставилась в темноту, где притаились призраки их лиц.

Прежде чем разжевать (так и не научился глотать пилюли, наверное, глупо начинать теперь) вода освежает высохший язык. стакан в руке замер. Теперь я вижу надпись на стекле: «Мистеру Сергею Выборонову, от Алисы Харрис».

Вновь взгляд касается свиты, уже открыто. Английские черты Льюиса, теперь еще более преданны королеве, остальные не отстают от чернокожего устроителя. Ищу Сэма за их спинами. Маленький челочек смотрит на меня, равнодушные не изменяет грустному лицу. Я вспоминаю, что сказал старый негр о его дочери. Какой выдержки стоило Сэму вести со мной беседу?

Эмаль медленно размалывает «аспирин». Порошок скрипит на зубах. Горечь, но без кислинки, как полагается поряточной пилюле, уж мне то, завсегдаю бутылки не помнить этот вкус. Аромат полыни наполняет рот, сочится с уголков губ, по волосатому подбородку. Заставляю себя проглотить уже согретую жижу. Язык немеет. В желудке разгорается огонь.

– Принимаю этот дар. – выговариваю через силу, переполненное влагой горло клоочет, – Возможно, он послужит миру.

В тишине слышно, как что-то гулко разбивается о кафедру. Взгляд ловит на тумбе глянец тёмно-бурой кляксы, тут

же рядом распускается другая. Пальцы больше не чувствуют твердости стекла. Толстое доньшко со звоном бьет об угол, стакан горохом рассыпается по полу. Лицо Сэма поплыло вбок и вверх. Снизу, перемигивая россыпью стеклянных звезд приближается красный бархат сцены, надвигается с упрямством товарного вагона, но встречает мягко, даже ласково.

Последнее что слышу, перед тем как раствориться в маслянистой черноте – замаранный восторгом шум. Призраки оживают...